

На разрыв рубахи и души

Клаудио ПЕЛЛАЭ

Гастроли театра Эйфмана стали прологом «Русского Гамлета»

КТО в юности не был авангардистом — у того не было сердца. Кто к солидному возрасту не сделал из авангарда ремесло — у того нет головы. Так можно перефразировать известное изречение, имея в виду Бориса Эйфмана. Руководитель Санкт-Петербургского театра балета, что две недели подряд с перерывами гастролировал в Большом театре, в юности был революционером танца, сейчас — любимец среднего класса. Нет, хореограф не изменился, это время ушло вперед.

Эйфман привез «творческий отчет» за последнее десятилетие. Лишь два спектакля, «Дон Кихот» и «Пиноккио», ранее не показывались в Москве. Остальные — «Карамазовы», «Красная Жизель», «Мой Иерусалим», «Чайковский» — бывали не однажды. Но эти гастроли задуманы с особой целью: через месяц в Большом ожидается поставленная Эйфманом премьера — «Русский Гамлет» (про императора Павла I), вот и решили устроить презентацию стиля хореографа.

У него другая, отличная от классики, техника, система движений и связок. В «Дон Кихоте», где Эйфман взял кусочки из классического спектакля и разбавил их своими сценами в сумасшедшем доме (Испания — это бегство воображения Дон Кихота от кошмарной действительности), видно, как трудно дается актерам переход в обычную лексичку. Должно быть, поэтому некоторые артисты Большого отказываются от репетиций или тихо саботируют их. Они законно боятся травм. Своих артистов Эйфман учит долго, ожесточенно и фанатично, выковыывая идеального актера-марионетку. Личная рефлексия Эйфмана на эту тему — «Пиноккио» — стала неудачей в программе гастролей. Полтора часа быстрого танцевального пересказа книжки явно не годятся ни для детей (разобрать сюжет невозможно), ни для взрослых (все же утренний спектакль «про кукол»).

Гастроли, если их рассматривать как предисловие к премьере,

пообещали, что «Русский Гамлет» будет глубоко идейным спектаклем. На это намекали и «Карамазовы», где брат Алеша выпускает каторжников и они устраивают революцию, и «Красная Жизель», где бедную Балерину по всему свету преследует Чекист. Но гораздо важнее другое. Мощнейшая энергия Эйфмана и его труппы. Агрессия кордебалета, безумная самоотдача солистов. Эту энергию можно назвать дикой, варварской. Но этот бродячий театр, за 20 лет существования так и не обретший постоянного пристанища, работает честно и страстно — на разрыв рубахи и души. Должно быть, именно безоглядная (на травмы и критику) страсть и привлекает широкую публику. Театр, кстати, недавно получил звание академического. А вот сможет ли Эйфман преодолеть академизм Большого театра и надо ли ему его преодолевать — ответы на эти вопросы мы узнаем в конце февраля.

Анна ГОРДЕЕВА

с. 110. Театр
к/р Б. Эйфмана